

ИСКУШЕНИЕ ГОГОЛЕМ: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Т.Н. Маркова

ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ В СИТУАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИАЛОГА

XX век продемонстрировал большое разнообразие подходов к изучению личности и творчества Н.В. Гоголя. Между двумя гоголевскими юбилеями – 1902 и 1909 годов – имя писателя оказалось в эпицентре идейных споров. Тогда в противовес интерпретации В.Г. Белинского символистская критика (В. Брюсов, А. Белый, В. Розанов), отрицая социальное содержание гоголевских произведений, обвинила демократов в создании «предрассудка» о Гоголе как писателе реалистического направления. В годы советской власти точка зрения Белинского (в изложении М.Б. Храпченко) считалась единственно правильной.

Импульс новому этапу в развитии диалога точек зрения сообщила конференция «Гоголь и современность» (ИМЛИ, 1984). В сборнике материалов конференции были отмечены новые тенденции в интерпретации творчества классика русской литературы¹. В частности, высказывалась мысль о том, что реализм Гоголя отнюдь не отвергает романтизма, поскольку именно в романтизме берет начало критическое отношение к житейской пошлости, именно романтизм способствовал литературному оформлению интереса писателя к фольклору, наконец, романтизм утвердил в литературе «плебейские», неканонические романские формы. В перестроечные годы научные дебаты были приостановлены, однако в 1990-х начался процесс осмысления литературно-критических и философских трудов, надежно запертых в советский период в спецхранах. Среди них книги и статьи Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Д.С. Мережковского, В.В. Зеньковского и других. Заново открытые источники нереалистических интерпретаций творчества Гоголя способствовали заметному оживлению литературной науки.

В настоящее время Гоголевская комиссия при Научном совете РАН ежегодно проводит международные «Гоголевские чтения», в которых принимают участие исследователи из разных стран мира, представляющие различные области науки, культуры и искусства. Назовем имена И. Золотусского, В. Воропаева, В. Мильдон, И. Есаулова, П. Михеда, В. Скуратовского, Ю. Барабаша, Н. Осиповой, Н. Ишук-Фадеевой, Ю. Манна, М. Вайскопфа и других. Уче-

ные-филологи собираются, чтобы услышать новое, расширить научный кругозор, вступить в интересную дискуссию, стержнем которой на сегодняшний день становится столкновение двух диаметрально противоположных подходов: религиозно-философского и собственно-эстетического.

Как известно, религиозная сторона мировоззрения Гоголя впервые заинтересовала литературную и философскую критику Серебряного века, что привело к формированию нового религиозно-метафизического взгляда на его творчество. Первой ступенью на пути нового осмысления наследия русского гения стал «гоголевский манифест» символистов – юбилейный номер журнала «Весы» за апрель 1909 года. В нем декларировался тезис о том, что наступило время Гоголя – «мечтателя, фантаста», как его аттестует А. Белый², визионера со страстью к гиперболам, каким он предстает у Брюсова.

Сегодня усиленно распространяется мнение, что в центре разговора о Гоголе непременно должны стоять «Выбранные места из переписки с друзьями», потому что самое главное в Гоголе – это путь к Богу. Подход таких авторитетных ученых, как И. Золотусский, В. Воропаев, а также их единомышленников лежит в русле «православного гоголеведения» (эти идеи развивали в свое время В. Зеньковский, К. Мочульский, И. Ильин). Термин, ранее являвшийся строго цеховым, озвучил украинский филолог П.В. Михед (Институт литературы им. Т.Г. Шевченко, Киев).

Однако отечественное богословие, как утверждает И.А. Есаулов, пока не выработало своего понятийного аппарата, поэтому в подобных оценках звучит не солидарный голос Церкви, а частное мнение того или другого мыслителя. Но если мы отрицаем филологические методы (анализ текста на уровне языка, образов, мотивов, анализ интертекста и т.п.), отрицая вслед за этим художественность как заведомо внерелигиозную категорию, то в результате останемся без научного аппарата как такового, а только с частными мнениями.

Одним из аспектов религиозно-мистического истолкования гоголевских произведений является изучение феноменологии зла и «чертовщины». На демонологический характер персонажей Гоголя впервые указал Д.С. Мережковский в эссе «Гоголь и черт». По Мережковскому, в глаз Гоголю, словно андерсеновскому Каю, попал волшебный осколок дьявольского зеркала. Это предопределило его не-

¹ Н.В. Гоголь: история и современность / Сост. В.В. Кожин, Е.Д. Осетров, П.Г. Палармачук. – М.: Советская Россия, 1985.

Татьяна Николаевна Маркова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и МПЛ Челябинского государственного педагогического университета (г. Челябинск)

² Белый А. Гоголь // А. Белый. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. С. 362.

добрый, искажающий взгляд, под которым действительность теряет стройность и лад, а человек превращается в чертову куклу. Взгляд Мережковского нашел преломление в западном литературном сознании через очерк В.В. Набокова «Николай Гоголь».

С опорой на Мережковского и Набокова на Западе распространилось представление о дегуманизирующей антропологии Гоголя. Западноевропейские слависты настаивают на том, что за своими насмешками писатель скрывал глубокий пессимизм, неверие в человека. Он был занят изображением мертвецов, обладающих лишь видимостью жизни³. Его персонажам свойственен автоматизм, механистичность, подчиненность манипулирующей воле творца.

Первый удар по традиционной гуманистической интерпретации гоголевского творчества в советские годы нанес В. Кожин, представив новое истолкование «Шинели»⁴. В 2002-ом году в Екатеринбурге вышла коллективная монография «Феномен «Шинели» Н.В. Гоголя в свете философского миросозерцания писателя», авторы которой отмечают, что основной идеей творчества Гоголя является идея возмездия за бесцельно проживаемую жизнь. Эта идея прочитывается в первом томе «Мертвых душ», который заканчивается смертью и похоронами прокурора. Смерть еще одного «незаметного» человека – Акакия Акакиевича Башмачкина – также представляется авторам монографии «естественным результатом чересчур заземленного образа жизни»⁵, расплатой за бездуховность, так как в отсутствии духовного смысла виноват, как полагают ученые, сам герой.

К анализу семиотического поля гоголевского творчества, перенасыщенного сложными культурными кодами и символами, принимающими онтологический статус, – т. е. поля, выделенного и интерпретированного филологическими, а не богословскими методами, обращается Н.О. Осипова (Вятский государственный университет)⁶.

Гоголевский смех является эстетическим объектом работ Ю.В. Манна (РГУ, Москва). Исследователь очень убедителен, когда говорит об обаянии гоголевского алогизма. Притом что действие его произведений развивается вне законов логической целесообразности, согласно которым статский советник не может превратиться в нос, мотивировка и разумность событий художественных произведений кроется в самой их безмотивности. Действительно, поэтический мир Гоголя не поддается однозначной трактовке: мы можем объяснить его странности, но никогда не сможем до конца быть уверены, что истолковали их правильно, поскольку основа гоголевского видения – игра воображения, столкновение бытийного и художественного планов. Постигание сущности бытия для Гоголя – веселая, озорная

трансцендентальность, определяющая художественную логику. Ю. Манн справедливо отмечает близость эстетических миров Н. Гоголя и Ф. Кафки, в основе которых лежит весьма специфический баланс между абсурдом и логикой. Поэтому произведения Гоголя так сопротивляются редуцированию до однозначной нравственной идеи. Постоянно присутствующие контрасты светлого и темного, несоответствия формы и содержания как неизменный источник комического порождают неподдельное веселье. «Злой гений литературы» исчезает, тут же становясь источником неистощимого комизма, «гением смеха». Пороки и прегрешения чиновников в «Ревизоре» и «Мертвых душах» оказываются смешными при их кажущейся масштабности. Все, даже чувство тоски, становится объектом комического. Подобный эстетический подход, утверждает ученый, производит художественно-терапевтический эффект.

Как видим, эстетическое исследование не ищет заранее известного результата. Процесс работы в данном случае представляет собой поиск некоторого вывода как одной из возможностей понимания. На этом настаивает Н.И. Ищук-Фадеева: «Меня интересует только текстовая реальность и только то, что происходит в ней»⁷.

Сегодня феномен Гоголя раскрывается в ситуации диалога, еще не исчерпанного до конца. Новым аспектом такого диалога становится полемика со славистами Украины. Бесспорным является тот факт, что Гоголь стал Колумбом Малороссии, открыв русскому читателю в своих произведениях поэтический мир жизни украинских дивчин и парубков. Он правомерно рассматривался и продолжает рассматриваться как украинский культурный мессия. Однако в дальнейшем пути писателя и читателей, ожидающих от него литературно-национального подвига, разошлись. Описав свою Малороссию, создав Тараса Бульбу, он уже не возвращался к этой теме. В.Л. Скуратовский (Киевский государственный университет театрального искусства, Украина) утверждает, что уже с 1830-х годов Гоголь искал решение проблемы человека в пространстве вненациональном, самым внимательным образом присматриваясь к католической универсальности.

Думается, что сегодня не столь важно, что теоретическое мировоззрение Гоголя оставалось неясным: гении, подобные ему, сами не отдавая себе отчета в своем творчестве, являются глубокими выразителями стремлений своего времени и общества. Гоголь не был философом, он был великим художником. Для самого писателя духовная борьба осталась неразрешенной: он был сломлен этим внутренним разладом. Тем не менее, в год его 200-летнего юбилея мы можем с полным основанием сказать: это была цельная внутренняя жизнь, на протяжении которой не прекращались поиски области «большого самоотвержения», а основной ее целью было подвижническое служение искусству.

³ Н.В. Гоголь: история и современность. С. 409

⁴ Там же.

⁵ Феномен «Шинели» Н.В. Гоголя в свете философского миросозерцания писателя // Под ред. Ю.И. Мирошникова и О.В. Зырянова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. С. 98.

⁶ Калмыкова В.В. Гоголеведение «чистое» и «нечистое» // НЛО. 2005. № 76.

⁷ Там же.